

Т Е А Т Р

„Ревизор“.

Николай 1, бывший на первом представлении гоголевской комедии, отозвался о ней так: «Ну и пьеса. Всем досталось, а больше всех мне». Нельзя точнее и лучше определить историческое и общественное значение этой бессмертной комедии. Когда городничий кричал в зал, заполненный тогдашними водителями России с императором во главе: Над чем смеетесь? Над собой смеетесь!—Это была брошенная в лицо разгадка комедии: вся николаевская, крепостнически-полицейская «немытая Россия»—была взята под ревизию—и «всем досталось» и т. д. Бура годованый против Гоголя—«он зажигатель! Он бунтовщик!»—сразу показала, что не фарс, не анекдот, не водеvilные шалуны на сцене, как в утешение себе думали многие. И этим уже пьеса с революцией, нестменно в ее репертуаре.

Даже в посредственном исполнении, которое и было показано на спектакле, это в лучшем смысле поучительное и живое представление. В этом смысле надо приветствовать утверждение в нашем репертуаре уже второй классической пьесы. Но это полдела. Уже Белинский, современник Гоголя писал, что несправедливо было бы требовать от публики, чтобы она круглый год смотрела только «Горе от ума» или «Ревизора» и не желала бы видеть что-нибудь новое; нет—новость и резко-образно необходимые для существования театра. Без этого театр походит на призрак, а не на что-нибудь существующее в действительности». Вот попросить бы сло

ва в репертуарном комитете и сказать вот этими фразами—а сколько десятков лет тому назад они произнесены в защиту живой современности.

Сыгран был Ревизор по старинке, по традиционным сценическим нотам, где предопределено заранее, где актеру чихнуть, кашлянуть, а где надо прямо сказать, что это делет исполненные образцы превратились в труху от долгого и не всегда умелого употребления. Поэтому играя Ревизора, актеры всегда копируют, и от этого исполнение приобретает что-то ученическое, школьное в плохом смысле этого слова Гоголь **Шперболист**, художник чрезвычайного, предельно-смешного, эстетик безобразного. Он вовсе не изобразитель средне-типического, рядового, шаблонного. Его лугун—сверхлугун, его дура—сверхдура. Вот этого патетического комизма, потрясающего смеха не было и не могло быть в школьном, гимназическом, насквозь внешнем спектакле.

Было-же: добросовестная передача авторского текста, объяснительное чтение, с логическими интонациями, с разяняющими жестами (монолог Осипа и др.), с указательным пальцем.—Смотри сюда, с неторопливым затяжным темпом. В кожу роли, как требовал Шепкин, не влез никто—каждый с трудом уместился в своих не совсем гоголевских штанах и совсем негоголевском платки.

Л. С. Выготский.